

Лазарев Евг. М.

10/889

ИЗВЕСТИЯ - 1989 - 10 мая, - с. 3

Точка зрения =

Евгений
ЛАЗАРЕВ:

С ХУДОЖНИКА ОСОБЫЙ СПРОС

Общественные преобразования наших дней затронули театр дюзко. Происходят перемены внутри самого театра — организационные и творческие. С другой стороны, активная позиция художников позволяет говорить о непосредственном участии театра в перестройке жизни. И каждое сценическое творение оценивается сквозь призму нынешнего времени.

О сегодняшних проблемах искусства размышляет актер и режиссер, народный артист РСФСР Е. Н. ЛАЗАРЕВ.

— Евгений Николаевич, мы говорим о демократизации жизни — гласности, плюрализме, экономической самостоятельности предприятий, участии трудовых коллективов в управлении ими, выборности руководителей всех рангов. А как этот процесс проходит в театрах?

— Парадокс нынешней театральной ситуации заключается в том, что сцена, в годы застоя часто становившаяся полем борьбы против него, после открытия шлюзов перестройки оказалась наименее приспособленной жить по принципам демократии. Вспоминается шутка Наполеона: демократия — очень хорошая вещь, но совершенно непригодная для армии и Театра французской комедии...

Скажем прямо: во многих театрах обстановка, способы решения конфликтов так же далеки от этических принципов Станиславского, как административно-командный метод от социалистического хозяйствования.

Существование художников в системе официальной лжи, когда одной рукой они стремились ставить «немножко левые» спектакли, а другой обеспечивали свой престиж и благополучие, не прошло бесследно. Мо-

жет ли интеллигентный человек выбивать сам себе почетные звания, следить за прохождением бумаг по инстанциям, трести директора и секретаря партбюро, выясняя, почему он этого звания долго не получает? И ведь этого не стыдятся, это стало нормой! А ведь на нас, людях искусства, особая ответственность, и спрос с нас особый.

Недавно я ездил в Ташкент и Алма-Ату. С какой жадностью встречают там нашего брата, драматического артиста, в рабочих аудиториях! А между тем в театры не идут, к театрам определенное недоверие, в глубинке мы перестаем быть театральной страной. Развлекательные программы, рок-группы заполнили эфир, начиная с программы «120 минут» рано утром и кончая передачей «До и после полуночи» поздно вечером. Мы планомерно отучаем зрителя от работы духа. Разве это не острейший вопрос дня? Но нет, для иных моих коллег главный вопрос — кто едет на гастроли в Нью-Йорк, а кто в ФРГ, или где найти кооператив поразвотливее...

Сегодня театр искренне стремится перестроиться. По крайней мере создание Союза теат-

ральных деятелей — тому организационная предпосылка. Многие делают СТД и для организации наших гастролей за рубежом, приглашает зарубежные труппы, начал обмен студентами театральных вузов. Замечательный смысл заложен в советско-американской театральной инициативе. Не могу не сказать и о социальной стороне работы СТД: теперь актерам будут выплачивать пенсии, равные заработку, — разницу доплачивает союз. Справедливее распределяются путевки в дома творчества — раньше эти дома были настоящими летними поместьями столичных избранных с их семьями. Верные это изменения? Верные. Поддерживаю? Всей душой.

Вспоминаю, как О. Ефремов, в семинаре которого я занимался, приводил из толкового словаря

смысл слова «интеллигенция». К классическому определению есть там примечание — о русской интеллигенции. Особенно подчеркивается, что она отличается способностью к самопожертвованию. Вдумайтесь: речь идет об отличительной способности целого слоя народа! По-настоящему интеллигентен тот, кто сохраняет духовное начало в любых обстоятельствах. Мы же теряем его зачастую в ситуациях, где решается вопрос прибавки к зарплате...

Критерии и художественное чутье руководителей и художественных советов занижены, ибо в основу часто ложатся личные или групповые интересы. Не секрет, когда в театре ставится новая пьеса, актеры судят о ней прежде всего с позиции: а что я в ней играю?

— Вам пришлось поработать в разных коллективах: были актером и режиссером в Театре имени Ел. Маяковского, потом главным режиссером Московского драматического театра на Малой Бронной, тут уже вы были ответственны не только за свою роль как актер, не только за свой спектакль как режиссер, но и за дело в целом. В чем причина своеобразного «шага назад» — к актерской работе, теперь уже в Театре имени Моссовета?

— Занимаясь режиссурой, педагогией (преподаю в ГИТИСе), я представлял себе только лабораторную, студийную работу. Главный режиссер лишен возможности заниматься ею. Его толкает воз, который он же и ве-

зет. Лабораторной работой он может заниматься тогда, когда сам создал студию, театр, где играют его ученики. Я убедился: назначать главного режиссера противостоит, он может органично существовать только среди единомышленников.

К моменту моего назначения главным режиссером я уже поставил около 20 спектаклей в Москве и за рубежом. Мне творчески доверяла большая группа актеров Театра имени Вл. Маяковского. И, когда мне предложили возглавить один из московских театров, я наивно решил, что получаю творческую лабораторию. На деле же произошел отрыв от вскормивших меня корней, где знали цену мне и где я знал цену каждому.

— Наверное, вы тоже размышляете над взаимосвязью гласности и драматургии. Создается впечатление, будто поставится спектакль о Сталине и его окружении — чуть ли не долг каждого нынешнего режиссера. И появляются спектакли, от которых пахнет погоней за сенсацией, конъюнктурой, а истинного желания художника идти в ногу со временем, высказать свою позицию нет.

— Если кто-то считает, что надо определить границы гласности, значит, он боится, что доберутся и до него.

Что до сенсаций, то я противник всякого рода дешевых удач. Перестройка набирает темп. Все установки искусства, энергия всегда были направлены на одно — быть нравственной инстанцией, пытаться говорить правду любыми путями. И вот двери открылись, запреты сняты. Общественная ценность вчерашней «острой» пьесы, творческая манера исполнения — все меняется. Люди застойного времени искали «творческие» ходы, чтобы спрятать подлинные проблемы: коржили пьесы, меняли названия, финалы. Сущест-

вовала отработанная технология, построенная на неправде. Годы конъюнктуры и участия в псевдопублицистических пьесах, каковыми стало большинство так называемых пьес социального заказа, привели к тому, что актеры растренировали свою чувственную сферу. Исчезает культура создания образа, то есть умение воспроизвести подробности существования, играть предлагаемые обстоятельства во всем их объеме.

— Гласность помогает формированию нового способа мышления, причем не «коллективного», а своего у каждого человека. Почему же так живучи консерватизм, боязнь нового, нежелание перемен?

— Можно в очередной раз поговорить на отсутствие в магазинах товаров, на очереди, вспомнить о прошлых, «лучших» временах и этим объяснить нежелание двигаться вперед. Но известно, что без потерь, напряжения воли и сил нельзя выигрывать. Меня волнует порой мажористское упоение собственными промахами, низкая рабочая форма каждого на своем месте. А ведь искать причины неудач надо прежде всего в себе. Словом, сегодня не всегда и не во всем ощущается общий импульс нации, патристическое стремление стать лучше на фоне других народов. Остались еще слои и зоны, куда кровообращение перестройки не всегда доходит. Но вместе с тем я поражен, что в нашем обществе сохранилось столько нравственного здоровья, столько гражданской смелости, способности государственно мыслить, генерировать огромное число идей во всех областях нашей жизни, и все это заставило весь мир нас уважать по-новому.

Беседу вел
Т. МИНАЕВА.

Фото Ю. АПРЕЛЕВА.